

А.И.Попов

**“Засадный отряд” Н.А.Тучкова
(сомнения в очевидном, или апология* Беннигсена)**

Левый фланг русской позиции упирался в лесистую, частично заболоченную и поросшую густым кустарником местность, по которой проходила Старая Смоленская дорога. На этом тракте, примерно в трех верстах юго-западнее д. Семеновское, располагалась д. Утица. Этот, по выражению Ж. Пеле, “частый и лишенный тропинок лес,.. казалось, ставил границы движениям обеих сторон”; однако в день грандиозной баталии и здесь развернулись достаточно упорные бои. Не вдаваясь в подробности этих боевых столкновений, остановимся лишь на некоторых спорных вопросах.

6 сентября, во время осмотра позиции, Наполеон и Мюрат со всем своим штабом прибыли к обозу 5-го корпуса. “Император,— пишет сопровождавший его Пеле,— взошел на возвышенность, которая находилась между Дорониной и Утицей. Там, посмотрев в подзорную трубу, помещенную на плечо Иоахима, он громко сказал Понятовскому: *завтра идти прямо перед собой (droit devant lui); опрокинуть все, что он повстречает; затем направиться влево, чтобы обойти неприятеля и поддержать атаку французской армии*”. Колачковский писал, что “засевшие в кустарнике, недалеко от нашего обоза, *русские егеря очень сокращали наши кругозор. С холма, отнятого накануне вечером, (имеется в виду Доронинский курган. — А.П.) видны были только бесконечные заросли*”; лишь Старая Смоленская дорога и дер. Утица были видны довольно ясно¹.

Впрочем, задача 5-го корпуса на день сражения определилась не сразу. По сообщениям французских мемуаристов, маршал Даву, осмотрев местность, предложил Наполеону в течение ночи обойти русскую позицию по старой Смоленской дороге со своим и польским корпусами и, ударив во фланг русской армии, опрокинуть ее в угол, образуемый реками Колочью и Москвою. По мнению участника сражения полковника Я. Вейсенхофа, этот маневр “маршал *легко мог исполнить*, ибо неприятель должен был или начать маневрировать, уклоняясь от него, либо, сохранив линию фронта против главной атаки, попасть под перекрестный огонь и неизбежно прийти в замешательство. На возможность

* Напомним, что первоначальное значение греческого слова “апология” — защита, заступничество.

такого легкого и безопасного движения маршала наталкивала общая обстановка и старая почтовая дорога в Можайск”. Но сам Наполеон, по свидетельству Коленкура, “колебался, произвести ли глубокий маневр правым флангом, чтобы обойти позицию неприятеля и частично оставить в стороне его редуты, или же... атаковать неприятельский центр с фронта и с тыла, начав атаку правым крылом. Он опасался, что побудит русских к новому отступлению, если примет первый вариант, который угрожал бы их тылу... Эти соображения склонили императора к принятию второго варианта”. К тому же, как заметил Пеле, “император не мог протянуть свой правый фланг, не отдалив его совершенно от дороги”, т. е. от своей главной коммуникации. Поэтому он, по словам Сегюра, ответил маршалу: “Вечно вы со своими обходами! Это слишком опасный маневр”. В конечном итоге, в диспозиции император так определил задачу 5-го корпуса: “Князь Понятовский направится на деревню в лесу и обойдет позицию неприятеля”². Отсюда видно, что Наполеон полагал, будто левый фланг русских заканчивался в лесу возле “флешей”, и что серьезных препятствий поляки встретить не должны; он допускал наличие здесь лишь русских заслонов: казаков и егерей. Здесь не указано, каким путем поляки должны достигнуть этой деревни; рассказ Пеле позволяет допустить, что поляки должны были следовать напрямик от Дорониной на Утицу. Действительно, здесь имелась проселочная дорога, но лесистая местность вокруг нее заболочена, так что она была непригодна для движения большой массы войск; к тому же русские егеря наверняка сделали на ней засеки — поляки ясно слышали стук топоров.

С русской стороны этот район поначалу прикрывали шесть казачьих полков генерала Карпова 2-го. “24-го числа, — писал Барклай в “Изображении военных действий 1-й армии”, — под вечер примечено, что нестроевые войски были недостаточны к прикрытию Старой Смоленской дороги, почему и занята она ночью 3-м корпусом... Полковник Толь прибыл к корпусу и приказал за собою оному следовать”. Барклай подчеркивает, что “корпус уводится ночью к концу левого фланга” по повелению Кутузова, а сам он об этом уведомлен не был. В рапорте Кутузову от 26 сентября он также писал, что “24-го числа ввечеру 3-й корпус” был направлен прикрывать левый фланг 2-й армии. Сюда были направлены также 10000 ратников Московского и Смоленского ополчений и еще два казачьих полка. Капитан Гозиуш в ночь на 25-е отвел ополчение на место назначения³.

О назначении этого отряда Щербинин рассказывал следующее. При подготовке к бою Кутузов (судя по контексту, 24-го числа) вызвал к се-

бе инженер–капитана Фелькнера и “приказал ему рассмотреть местоположение *позади левого фланга* с тем, что нельзя ли *поставить там часть войска скрытно от неприятеля*. **“Когда неприятель,**— сказал Кутузов капитану, **— употребит в дело последние резервы свои на левый фланг Багратиона, то я пушу ему скрытное войско во фланг и тыл”**. Капитан возвратился с донесением, что местоположение чрезвычайно благоприятствует этому плану. *Итак, 3–й корпус и Московское ополчение поставлены в засаде”*.

А что говорят об этом официальные документы? Листовка “Официальные известия из армии от 27 августа” — первое сообщение кутузовского штаба о битве — извещает, что *25 августа*, когда стало очевидным перемещение главных сил неприятеля к русскому левому флангу, “чтоб еще лучше обеспечить оборону слабого пункта позиции... Тучков с 3–м корпусом и частью Московского ополчения *был размещен в засаде за кустарником на крайнем левом фланге, имея приказ действовать по Старой Смоленской дороге на правый фланг и тыл французов тотчас же, как они начнут атаковать* и будут пытаться обойти наш левый фланг”. В донесении Александру I Кутузов писал, что 25–го стало ясно, что “намерение Наполеона состояло в том, чтоб напасть на левое наше крыло и потом, продолжая движение по Старой Смоленской дороге, совершенно отрезать нас от Можайска. Дабы предупредить сие намерение, я приказал... Тучкову с 3–м корпусом идти на левое наше крыло и прикрыть положением своим Смоленскую дорогу”⁴. Заметим, что здесь уже ничего не сказано об ударе во фланг и в тыл противника, видимо потому, что его не удалось осуществить на деле. О местоположении отряда Тучкова сказано кратко: “за кустарником”. Если Барклай определенно говорит о передвижении Тучкова в ночь с 24–го на 25–е, то официальные бумаги пишут о 25–м числе. В данном случае хочется верить Барклаю, так как он, оскорбленный образом действий Кутузова, мог хорошо запомнить время неприятного для себя “открытия”. Далее, один официальный документ говорит о засаде и ударе во фланг и в тыл, а второй, еще более официальный — об этом молчит; где же истина?

Сен–При записал в дневнике, что “Тучков имел приказание атаковать крайний правый фланг неприятеля, как только он будет пытаться овладеть Семеновкой”. В конце августа Бутурлин слышал от участников боя, что Тучков должен был со “своим корпусом направиться прямо к селу Семеновскому, чтобы атаковать во фланг правое крыло французской армии”. Е. Вюртембергский также писал, что корпус Тучкова “назначался действовать во фланг неприятелю, когда французы

поведут атаку на укрепления Багратиона”, что он был поставлен “именно с целью употребить его для фланговой атаки”⁵. Заметим, что, согласно двум документам, наиболее близким по времени к событиям — листовке и дневнику Сен-При — контратака Тучкова ожидалась тотчас после того, как враг начнет обходить 2-ю армию и напирать на Семеновскую; Сен-При ожидал ее еще до 9 часов утра, когда был ранен. По словам же Щербинина, Кутузов надеялся выждать, “когда неприятель употребит в дело последние резервы свои на левый фланг Багратиона”. Это, конечно, логичнее, однако свидетельствует о том, что русское командование недооценивало силу удара противника по левому флангу.

Впрочем, этому замыслу не суждено было осуществиться. *Вечером 25-го при объезде позиции Беннигсен, Ожаровский и Щербинин за оконечностью левого фланга встретили егерей полковника Вуича*⁶. Последний заявил Беннигсену, что “пространство, разделяющее левый фланг от отряда, состоявшего из 3-го корпуса и ополчения, столь велико, что неприятель в оное бросится массами и истребит бригаду”.

Беннигсен поехал к отряду Тучкова и велел ему... стать “ближе к левому флангу Багратиона. Тучков возражал, что пространство, которое ему в таком случае занять бы должно, составляет отклон горы, с вершины коей неприятелю легко действовать к истреблению корпуса его, о назначении же оставаться скрытно от неприятеля он не заметил Беннигсену, вероятно потому, что сам не ведал плана главнокомандующего”. Так Беннигсен поставил Тучкова “в невозможность сражаться по невыгодности местоположения”. Кутузов об этой перемене извещен не был⁷. Щербинин справедливо заметил, что на кроках бородинской позиции, начертанных подпоручиком Е. Траскиным 25 августа, надписано над 3-м корпусом и Московским ополчением: “расположены скрытно”; однако, он не обратил внимания на то, что на кроках 3-й корпус изображен вовсе не к востоку от Утицы, а возле нее.

Необходимо заметить, что участники сражения были убеждены, что маневр, предписанный Тучкову, был легко осуществим, и вину за его неисполнение первоначально возлагали на Тучкова. Так, **Е. Вюргембергский** писал, что особенное затруднение для Наполеона представляли “довольно обширные кустарники и рощи по флангам и в тылу нашего расположения. Нам они благоприятствовали”. Поэтому, полагал герцог, “наступательное движение с леваго нашего фланга против Понятовскаго... уже по одному этому должно было бы оказать лучшее действие, чем демонстрация на правом, где она совершенно была открыта для неприятеля”. “Очевидцы этого дня утверждают,— писал **Бутурлин**,— что *бездеятельность генерала Тучкова много способствовала потере сра-*

жения... что Тучков мог убедиться в слабости атаки Понятовского, что французы с этой стороны не были особенно сильны, должен был оставить несколько отрядов для охраны старой Смоленской дороги, а с остальным своим корпусом направиться прямо к селу Семеновскому... Но Тучков не воспользовался таким прекрасным случаем. Повинуясь старинной неприязни против князя Багратиона, он не захотел присоединиться к главной армии, чтобы не очутиться под начальством Багратиона”⁸. Обвинения эти необоснованы; так рассуждали сгоряча те, кто не был на месте боя и не знал реального соотношения сил и характера местности.

Повторяя фальсификацию Толя, будто “село Семеновское было удержано нами до самой ночи,— Щербинин писал, что уж коли “этот результат был одержан и без содействия Тучкова и ополчения, то появление этого скрытого отряда, по плану Кутузова, во фланге и тылу неприятеля при окончании битвы, было бы для него гибельно. И этому воспрепятствовало непростительное распоряжение Беннигсена”. Так преувеличивался масштаб задачи Тучкова, и одновременно “размеры вины” теперь уже Беннигсена. **Болговский** уверял, будто по диспозиции Кутузова “крайний левый фланг... Тучкова должен был, овладев Старой Смоленской дорогой, обойти правый фланг французов, а генерал Платов получил приказание..., обойдя левый фланг неприятеля, атаковать его во фланг и с тылу”⁹.

Где же находился изначально корпус Тучкова, откуда его передвинул затем Беннигсен? Поначалу этот вопрос решался историками весьма просто, на уровне интуиции, без привлечения каких-либо доказательств. Так **Бутурлин** писал, что “Тучков расположил свой корпус за деревней Утицею в четыре линии, из коих первые две составлены были из 3-й пехотной дивизии” (с тех пор эта ошибка пошла гулять по трудам отечественных историков). Переводчик Бутурлина генерал **Хатов**, прибавлял, что вечером 24-го Кутузов велел 3-й корпус “скрытно поставить в засаде, в густых кустарниках и позади кургана..., с тем намерением, чтобы внезапно ударить в тыл неприятеля, когда сей будет обходить левое крыло”. Но отряд был выдвинут “Беннигсеном перед курган к деревне Утице; а неприятель, узнав о его присутствии в сем месте, по разложенным на биваках огням, тотчас переменил свою диспозицию” (отметим, что Хатову уже известна версия Щербинина). За курган помещал отряд Тучкова и **Неелов. Михайловский-Данилевский** просто указал, что отряд был поставлен 25-го “не доходя до Утицы” на дороге, но о задаче его ничего не сказал. Лишь в биографии Тучкова, явно учитывая версию Щербинина, он писал, что Кутузов поставил корпус “скрытно, в

засаде, в густых кустарниках и позади высокого кургана... *По недоразумению*, приказание не было исполнено, и Тучкова *поставили* перед курганом, у деревни Утицы. Узнав о присутствии нашего корпуса в сем месте по разложенным на биваках огням, *Наполеон изменил свой план*"; заметим, что даже здесь историк не обвиняет Беннигсена¹⁰.

Богданович писал, что Фелькнер был послан 24-го *по предложению Толя* и нашел скрытную позицию "за Утицким курганом, в верхней части Семеновского оврага"; положение корпуса Тучкова "*в виде уступа, за левым флангом позиции*, давало нам возможность противодействовать неприятельскому обходу", но Беннигсен все испортил. (Возникает вопрос, почему возле Утицы и кургана нельзя было препятствовать обходу?). **Оболешев** развивал ту же мысль: корпус "расположился *уступом за левым флангом* позиции в верхней части Семеновского оврага" и этим расположением Кутузов "полагал обеспечить левый фланг позиции от обхода: корпус Тучкова *фронтальным наступлением брал во фланг обходящая войска французов*". Беннигсен же выдвинул его "на весьма невыгодную местность, поставив притом *в глубоком строю*, в 4 линии". Последнее обвинение вызывает удивление – каким же еще образом могли быть построены здесь войска. Фраза же о *фронтальном наступлении* станет излюбленной у наших историков, которые будут при этом иметь в виду расположение отряда возле Утицы¹¹.

Французские мемуаристы указывали, что отказ императора от предложения Даву был вызван опасением, что русские, видя себя обойденными, опять уклонятся от генерального сражения. **Витмер** же посчитал, что соображение это не имеет достаточных оснований, поскольку Наполеон уже не сомневался, что русские дадут сражение из-за близости столицы; они уже возвели укрепления. Возражение это безосновательно: русские и раньше строили укрепления, а в том, что Наполеон ночью не раз интересовался, не ушли ли русские, сомневаться не приходится. По мнению Витмера, у Наполеона были более важные причины для отказа от обхода. "*Первая* заключалась, вероятно, в том, что для предложенной операции пришлось бы направить значительную массу войск лесом, а тогдашняя армия, привыкшая действовать в густых колоннах, были мало приспособлены к операциям на местности пересеченной и особенно лесистой. Движение по лесу разстраивало стройные колонны и Наполеон... предпочел риску движения по лесам, атаку по местности открытой... *Другая причина, еще более веская*, могла заключаться в том, что предложенное Даву обходное движение *значительных* сил подвергало риску путь отступления французской армии, лежащий по ту сторону Колочи"¹². На последнюю причину указал еще Пеле.

Следует заметить, что некоторые участники войны порицали Наполеона за отказ от обхода. Так, Бутурлин считал ошибкой его лобовые атаки на русский левый фланг. “Не поступил ли бы он лучше, совершая лишь ложные атаки на этот левый фланг с тем, чтобы направить главную массу своих войск на старую Смоленскую дорогу против корпуса Тучкова? Можно сказать с уверенностью, что этот последний не мог бы долго сопротивляться..., и тогда наша армия была бы вынуждена покинуть позицию; если же она стала бы упорствовать на ее сохранении, то гибель ее сделалась бы неизбежною. В самом деле, неприятель, живо преследуя Тучкова, мог выйти на большую дорогу, в тыл нашей армии, которая таким образом оказалась бы отрезанною от Можайска и отброшенною, как бы в западню, между реками Москвою и Колочью”. Впрочем, признавал историк, Наполеон действовал в чужой стране, у него не было ни карт, ни проводников, и он никогда не отдалялся от большой дороги¹³. Полагаем, что обвинения императора в отказе от обходного маневра безосновательны, ибо исходят только из положения дел на карте, без учета реального соотношения сил и характера местности, в полном соответствии с известной присказкой “гладко было на бумаге, да забыли про овраги”. Стремительное наступление по лесной дороге было бы невозможно, а Багратион, не подвергавшийся бы в таком случае сильнейшему давлению, мог выделить подкрепление Тучкову. Помимо прочего, император уже не имел на тот момент численного превосходства, чтобы позволить себе выделить для обхода значительное число войск.

Вопрос о первоначальном размещении войск Тучкова наиболее подробно был рассмотрен Геруа, который привлек для этого новые по тем временам источники: русские кроки позиции и французскую карту поля боя. Их анализ привел историка к следующим выводам: “1) 7-й корпус Раевского стоит в одной линии с...1-й армией..; 2) расположение 8 корпуса у Семеновской — есть ни что иное, как *простой загиб фланга, обычный для пассивного парирования уже совершенного противником обхода*; 3) расположение Тучкова I — *активное парирование того же обхода*; 4) достигалось это...не только “скрытным” расположением корпуса..., но и постановкою его “параллельно” направлению Старо-Смоленской дороги, “параллельно” фронту I армии и “перпендикулярно” фронту 8 корпуса II-й армии; идея этого расположения понятна: *простое фронтальное движение выводило этот уступ во фланг французам...* 5) относительное положение д. Утицы — так, как его себе представлял Кутузов, было неверно” и на кроках искажена местность. Последний вывод Геруа сделал на основании того, что на французском

плане д. Утица изображена примерно на версту южнее дороги, а “на месте, обозначаемой на русских чертежах (их картами назвать нельзя), д. Утицы — лежала выжженная деревня Старо-Ельня”. Дальнейшие топографические рассуждения Геруа разбирать нет смысла, поскольку он наивно доверился показаниям французского плана, хотя уже тогда было ясно, что на нем “названия многих деревень совершенно перепутаны, вместо Шевардино — Алексинки, Фомкино — Шевардино, Утица — Старо-Ельня и т.п.”¹⁴ Историк допускает два варианта: 1) отряд Тучкова сначала располагался у д. Утицы (по французскому плану), т. е., к югу от дороги; 2) “если же Тучков стоял у Утицы на Старо-Смолянке (по русской версии), то скрытность его расположения достигалась тем, что стоял он, вероятно, на юг или юго-восток от деревни, *за находящимся здесь большим лесом*”. Так что Беннигсен либо выдвинул 3-й корпус “вперед на запад, если он стоял уступом назад, в лесу (как считали до сего времени) или двинулся он к северу, то есть правее” (от Утицы французского плана). Историк считает, что “последняя версия заслуживает большего внимания”, поскольку “устроить засаду на Старо-Смолянке, позади, то есть восточнее деревни, было довольно трудно, так как *леса здесь не было, а были лишь кусты*”. В последнем случае автор противоречит самому себе, но главный изъян в другом — версия, которой он отдал предпочтение, не имеет никакой основы в источниках; кроме того, невозможно поверить, чтобы русское командование отдало отряд на столь значительное расстояние от левого фланга.

Геруа считал, что Траскин, неверно вычертивший кроки, Фелькнер, отыскавший засадное место, и Толь, отведший туда корпус, допустили ошибку, а Беннигсен обнаружил ее и поставил отряд так, как того требовали кроки. Эти же лица “похоронили истинные причины путаницы, происшедшей впоследствии в бою”, а “в расчеты первых историков Бородина входило скрыть все, что так или иначе выясняло вопрос о месте расположения и о задаче неудавшейся засады”¹⁵. Эту версию принял и **Колюбакин**. По его мнению, Кутузов, под впечатлением Шевардинского боя, приказал отыскать скрытное место, отметил его на кроках Траскина (которые, заметим от себя, датированы 25-м числом) и велел Толю в ночь на 25-е отвести туда корпус Тучкова. “Но неверное кроки (или неверная разведка) ввело, по-видимому, Кутузова в заблуждение о местности... и Толь, по-видимому, поставил 3-й корпус южнее старой Смоленской дороги и фронтом на север, а Беннигсен утром 25-го, не будучи посвящен в замыслы Кутузова, выдвинул его ближе к армии, *верхом на этой дороге, у Утицкаго кургана и уже фронтом на запад*”¹⁶.

В советское время данную версию поддержал **Павленко**. Он писал, что на кроках, “в районе Утицы расположен 3-й корпус почти перпендикулярно к 8-му корпусу. Таким образом, 3-й корпус как бы выполнял роль активной засадной группы. *Простое фронтальное движение выводило бы его во фланг противнику, атаковавшему 8-й корпус. Этот картографический документ и свидетельство капитана Фелькнера* (на самом деле, Щербинина. — *А.П.*) *подтверждают, что подобная мысль — ударить по флангу и тылу противника — у Кутузова была*. Но, как известно, она не была осуществлена *вследствие неорганизованности штаба...* Толь поставил 3-й корпус не на месте, а накануне сражения... Беннигсен, желая исправить ошибку Толя, перевел 3-й корпус *восточнее д. Утица. В результате фланговая засада превратилась в обычный фронтальный заслон*, который не дал впоследствии никакого эффекта”. Из этих слов не ясно, где же Толь поставил отряд; Беннигсен же, несомненно, выдвинул его на запад. Вместе с тем, Павленко правильно подчеркнул, что “некоторые участники Бородинского сражения (Болговский, Щербинин) придавали засадному корпусу Тучкова почти что решающее значение”, что “дало повод некоторым исследователям утверждать, что как будто Кутузов имел замысел двустороннего охвата противника. В действительности ничего подобного не было... Нельзя также переоценивать и роль “засадного” корпуса. Он имел весьма незначительные силы, при полном отсутствии кавалерии”¹⁷.

Статья Павленко, “напечатанная в порядке обсуждения”, не нашла отклика у советских писателей по причине разразившейся вскоре войны. Напротив, все активнее стала пропагандироваться версия Болговского. “Измотав противника упорной обороной, перемолов его живую силу, Кутузов намеревался нанести армии захватчиков внезапный *контрудар во фланг и тыл*, — писал в 1943 г. Соколов. — Для осуществления этой идеи Кутузов приказал выделить *особую группировку* в составе 3-го пехотного корпуса *при 60 орудиях* (из главного резерва) и отряд Московских ополченцев силою 11677 бойцов, *лично указав на плане место скрытного расположения восточнее Утиц* с таким расчетом, что *простое фронтальное движение* этой группировки выводило ее во фланг противника, атакующего Багратионовы флеши”. Беннигсен же “провалял *наиболее существенную часть замысла*” Кутузова. **Прунцов** уверял, будто *дер. Утица и курган были подготовлены к обороне 3-м корпусом*, но Беннигсен выдвинул его из засады (спрашивается, куда?)¹⁸. Предельного развития эта тенденция достигла в писаниях **Гарнича**. По его мнению, войска Тучкова первоначально занимают назначенное им место “*в районе восточнее деревни Утица...*, *располагаются фронтом*

на север, т.е. к флангу противника, наступающего на флешу”, но затем Беннигсен приказал им “выдвинуться из леса вперед на запад и стать непосредственно за егерскими полками на виду у противника”. По мнению Гарнича, Кутузов планировал нанести два контрудара: один корпусами Уварова и Платова, а второй “3-м пехотным корпусом и Московским ополчением, общей численностью в 18 тыс. чел. и 72 орудия — из района Утицкого кургана по флангу и тылу противника, наступающего из Шевардина на флешу”, причем удар этот наносился “из глубины расположения русских войск”¹⁹. При этом Гарнич ссылается на кроки позиции, где мы, однако, видим иную картину: группа Тучкова изображена возле Утицы, т.е. там, куда ее, по представлению многих, передвинул Беннигсен. Если бы отряд располагался восточнее, за курганом, то как оттуда он мог добраться до фланга и тыла неприятеля, наступающего от Шевардино?

Бескровный был более сдержан в определениях. “Вообще следует отметить, — писал он, — что в этом вопросе до сих пор нет ясности. Еще А.Геруа обратил внимание на то, что в дошедших до нас документах не определено месторасположение III корпуса — на Смоленской дороге или южнее ее — в Утицком лесу, между деревьями Утица и Старая Ельня? Недостаточно ясен также вопрос о численности этой группировки”. От решения первого вопроса Бескровный, впрочем, уклонился. Считая, что 3-й корпус насчитывал 8 тыс. чел., отряд Карпова — 1500 чел., Смоленское ополчение — 3 тыс. чел., отряд Московского ополчения — 11185 чел., он полагал, что “на крайнем левом фланге была создана группировка в 23685 чел. при 18-и орудиях. Все это говорит о том, что Кутузов не собирался ограничиваться пассивной обороной, а намеревался... нанести удар с левого фланга. Его замысел был нарушен Беннигсеном, который передвинул III корпус Тучкова, чтобы заполнить просвет между Семеновскими флешами и Утицким курганом”. Откуда же в таком случае передвинул, возникает вопрос; просвет этот уже прикрывался егерями. В другой работе Бескровный так объяснял поступок начальника штаба: “Проверяя расположение войск, Беннигсен усмотрел нарушение диспозиции, разосланной 24 августа: 3-й пехотный корпус оказался не на месте расположения главного резерва, а в Утицком лесу... Разгневанный Беннигсен приказал... отвести 3-й корпус к левому флангу 2-й армии, заняв просвет между Семеновскими флешами и Утицким лесом”. Помимо вышеназванной, здесь добавилась еще одна несуразица: следуя “логике” историка, Беннигсен должен был отослать Тучкова назад, в резерв. Весьма своеобразно объяснял Бескровный причину появления у Кутузова замысла этого удара. “Прибы-

тие московского ополчения... позволяло разработать новый тактический вариант сражения, идея которого изложена в схеме расположения войск (кроки)... Для того чтобы нанести французам, совершающим обходной маневр, сильный удар, Кутузов решил создать новую группировку, разместив ее в Утицком лесу”²⁰. Вот так, вид слабо вооруженных и едва обученных ополченцев подтолкнул Кутузова на мысль о контратаке — воистину, фантазия советских “историков” предела не знала!

По словам Бескровного, Наполеон отказался от обхода, поскольку опасался, “что корпус Даву, заблудившись, может стать легкой добычей неприятеля”, “что русские, обнаружив эту группу войск, смогут легко ее уничтожить” — это целых два корпуса! Впрочем, такую версию приводили еще **Жилин и Ярославцев**, по мнению которых Наполеон “опасался, что войска запутаются ночью в лесу и подвергнутся уничтожению по частям или русские, перейдя в наступление, прорвут обходные колонны и отрежут их от главных сил”. Повторяя Оболенцева, они писали, что “Кутузов приказал корпус Тучкова поставить уступом назад за открытым флангом 2-й армии фронтом на северо-запад, то есть параллельно направлению Старой Смоленской дороги. В этом случае простое фронтальное движение выводило корпус во фланг французов... Таким образом, Кутузов решил усилить свой левый фланг искусно задуманной группировкой войск”. Остается все-таки не ясным, где же располагался отряд Тучкова? Фронтом на северо-запад он изображен возле Утицы, но там он никак не мог стоять “уступом назад” за флангом 2-й армии²¹.

Позднее **Жилин** писал, что Кутузов расположил отряд Тучкова “в районе Утицы, почти перпендикулярно к 8-му корпусу. При таком расположении простое фронтальное движение выводило его во фланг противника”, но Беннигсен “приказал Тучкову выдвинуться и стать фронтом к противнику”²². Спрашивается, куда же еще дальше Утицы мог выдвинуть его Беннигсен? Трудно отделаться от впечатления, что советские военные историки плохо знали карту Бородинского поля и совершенно не учитывали характера местности; кроме того, над ними явно довели представления времен второй мировой войны.

Советские авторы явно не хотели замечать, что на кроках, подписанных Кутузовым, отряд Тучкова изображен вовсе не в засаде за курганом, а возле Утицы. Только **Богданов** заметил, что на кроках войска Тучкова изображены “несколько севернее и южнее дер. Утицы”, но тут же сделал оговорку, что “кроки — это набросок, в котором выражена основная идея в размещении войск, и потому в них допустимы некоторые неточности, тем более что этот документ составлялся в период подготовки к

сражению... Вместе с тем *имеются источники, которые свидетельствуют, что войска Н.А.Тучкова были расположены позади Утицкого кургана*”, и ссылается при этом на Ф.Глинку²³. Но, во-первых, Глинка в данном случае не может служить авторитетом, ибо не был на данном фланге, и, во-вторых, над изображением войск Тучкова на кроках стоит надпись: “расположены скрытно”, т.е. они стоят там, где им предписал быть Кутузов.

Ряд важных замечаний сделал **Кочетков**. “В своем стремлении подчеркнуть активное начало в замысле и группировке Кутузова,— писал он,— некоторые историки приписывают Кутузову создание на флангах ударных группировок для нанесения двустороннего ответного удара. На правом фланге такой ударной группой считается” кавалерия Уварова и Платова, на левом — отряд Тучкова. На самом деле, диспозиция Кутузова, его рапорт царю, кроки позиции свидетельствуют, что такого замысла у него не было, “что отдельно и скрытно расположенный корпус Тучкова должен был внезапно контратаковать противника во фланг в глубине обороны”. “Принято считать, — писал он далее, — что замысел Кутузова нанести удар этим отрядом по флангу французов был сорван Беннигсеном... Этот факт общеизвестный. Но учитывая фактический ход сражения, нельзя утверждать, что этот удар состоялся бы, если бы корпус оставался на месте. Главкомандующий, ставя корпус Тучкова в укрытие, видимо, не рассчитывал на такой сосредоточенный удар противника, который обрушился на 2-ю армию. П. И. Багратион уже... в начале боя взял на подкрепление 3-ю пехотную дивизию... Нет никакого сомнения, что Багратион, вынужденный обстановкой, сделал бы это и в том случае, если бы корпус Тучкова стоял укрыто. С уходом же 3-й дивизии корпус Тучкова уже не представлял “ударной группы” и вообще не мог уже содействовать 2-й армии... Таким образом, по ходу сражения контрудар по флангу и тылу французов, если бы он даже и был запланирован Кутузовым, не мог состояться”²⁴.

Своеобразно пытался оправдать поступок Беннигсена **Пчелов**. Генерал, по его словам, “выдвинул корпус вперед и расположил его восточнее Утиц. Вероятно, он предполагал отвлечь силы противника именно на левый фланг, укрепив его войсками под командованием Храповицкого. Во многом это ему удалось... Так что оценка самовольного поступка Беннигсена нуждается в определенном пересмотре”²⁵. С последним предложением мы полностью согласны; однако авторское объяснение поведения генерала наивно — противника не было нужды привлекать к левому русскому флангу, он и без того сосредоточил там большую часть

своих сил, о чем и Беннигсен прекрасно знал. Автору, скорее, следовало доказать свое смелое утверждение, что “в противовес распространенному мифу о вражде полководцев следует заметить, что *в начале* их совместной деятельности никаких столкновений между ними не было”, и документально доказать, когда же эта вражда зародилась.

Имеется *еще один спорный вопрос*, хотя создается впечатление, что историки его не замечают. По мнению многих авторов, размещение группы Тучкова явилось полной неожиданностью для Наполеона, ибо до начала сражения отряд так и не был обнаружен противником. Другие, напротив, пишут, что “передвижение корпуса Тучкова было замечено Наполеоном. В последней диспозиции, отданной к вечеру 25 августа (6 сентября), он поставил корпусу Понятовского задачу наступать не *на Семеновские флеши*, а на Утицу, “так как противник удлинил свой левый фланг”. В данном случае Бескровный повторяет сообщение Щербинина о том, что по некоей “второй диспозиции Бертье, написанной вечером 25 числа, корпусу Понятовского назначено идти правее (*l’ennemi ayant prolonge sa gauche*), корпусу же Нея, подкрепленному корпусом Даву, заместить Понятовского”²⁶. Следует подчеркнуть, что мы имеем дело с явным заблуждением. Помимо Щербинина, эта некая “вторая диспозиция” никому не известна, к тому же она разительно противоречит всем известным распоряжениям Наполеона перед сражением. Р.Солтык прямо указывал, что 6 сентября “Наполеон ничего не изменил в своих распоряжениях накануне, так как он полагал, что позиция москвитов осталась точно такой” (имеется в виду в Утицком лесу). В данном случае следует согласиться с Геруа, который подчеркнул, что “из всех распоряжений Наполеона видно: 1) что о существовании засадного корпуса Тучкова... императору ничего известно не было; 2) что вследствие этого он не направил по этой дороге более значительных сил, чем корпус Понятовского”²⁷.

Несмотря на справедливые замечания Павленко и Кочеткова, в отечественной литературе продолжает господствовать “версия Щербинина–Болговского”. Своеобразным скоплением всех возможных ошибок и перероджек явился последний юбилейный фолиант. Анонимный автор соответствующей главы пишет, что Беннигсен изменил расположение корпуса рано утром 25–го (хотя у Щербинина указан вечер), что 3–я дивизия стояла в первой линии, что Наполеон отказался от предложения Даву, так как “опасался, что русские, обнаружив эту группировку войск, смогут легко ее уничтожить” (это 5 дивизий Даву и 3 польские!); повторяется байка о некоей “последней диспозиции” императора перед сражением. Лежен рапортовал об опоздании поляков не Наполеону, а Нею;

описывать бой возле Утицы по Глинке наивно, так как он здесь не бывал. Деревня Утица загорелась не от перекрестного огня, а потому, что ее подожгли русские при отходе. Генерал А. А. Карпов 2-й перепутан с подпоручиком артиллерии А. К. Карповым 6-м; Понятовский тоже маршалом не был. Не ясно, почему “заятие кургана войсками Понятовского... угрожало обходом отряда Тучкова с тыла”. Ободряющие слова, обращенные Коновницыным к Керну, не могли быть произнесены при отбитии Утицкого кургана, поскольку генерал находился в то время у д. Семеновской, 4-я пехотная дивизия не сражалась на флешах, а в корпусе Сиверса не было кирасир; Ивелич сражался не на левом, а на правом фланге Багговута. Приводятся “свидетельства” таких “очевидцев”, как “французский офицер Винтурини” и “генерал главной квартиры наполеоновской армии Капфиг”, которые на самом деле являлись третьеразрядными сочинителями²⁸. Ничтоже сумняшея повторяется еще одна выдумка Болговского, будто Наполеон потому только не двинул вперед свою Старую гвардию, что стоявшие позади сильные колонны Московского ополчения он принял за русскую гвардию (отряд Маркова он попросту не мог видеть); и другая выдумка о том, будто ночью французы отошли на левый берег Колочи²⁹. Каждая в отдельности ошибка может показаться мелкой, но такое нагромождение их в одном месте, безусловно, ведет к искажению реальной картины.

Подводя итог нашим историографическим наблюдениям, отметим *следующее*. Историки ограничивались узким набором источников: листовка, рапорт Кутузова царю, кроки и, главным образом, рассказ Щербинина. Немудрено, что в конечном счете они зашли в тупик, чего, впрочем, даже не замечали. Скучный набор источников компенсировался “разгулом фантазии”, как всегда мало озабоченной своим соответствием логике и фактам. Следует признать, что объем наличных источников по проблеме, действительно, весьма ограничен, и его довольно сложно расширить, а потому следует более внимательно прочитать и просмотреть то, что уже имеется, и “поверить логикой” рассуждения предшественников.

I. Первым делом следует признать, что отряд Тучкова был послан на старый тракт *с целью предотвращения возможного неприятельского обхода*. Он должен был достичь этой цели не с помощью “глухой обороны”, поскольку никаких оборонительных сооружений ни в деревне, ни на кургане не возводилось, хотя и время и силы для этого имелись (на это сетовали Барклай и Граббе). *Цель эта достигалась путем нанесения внезапного контрудара “на правый фланг и тыл французов”*, но отнюдь не всей наполеоновской армии, как позволяли себе фантазировать иные

авторы, а только тех ее войск, которые стали бы обходить левое крыло Багратиона. Присмотритесь внимательнее: на кроках все русские войска изображены выстроенными в боевые линии, и только отряд Тучкова — в колоннах.

II. Чтобы выяснить, где же находился первоначально отряд Тучкова, обратим внимание на следующие моменты. Сен-При писал: “Неприятель мог легко обойти эту позицию (2-й армии. — *А.П.*), двигаясь через Ельню по Старой Смоленской дороге на Утицу, и, затем, лесами мог подойти на близкий пушечный выстрел к Семеновке. Главнокомандующий, чтобы воспрепятствовать приближению к ней, приказал укрепить деревню и возвести впереди несколько флешей”. Южнее был поставлен Тучков, который, вопреки ожиданиям Сен-При, “не сделав никакой диверсии, ограничился высылкой 3-й дивизии.., а сам оставался в 2 верстах позади Утицы, в которой должен был находиться и откуда должен был двинуться вперед”³⁰. Эту фразу можно понимать так, что Тучков должен был атаковать в направлении от Утицы на Семеновскую по проселочной дороге — и это соответствует изображению на кроках. Две же версты позади Утицы — это устье Семеновского оврага, где и мог первоначально располагаться отряд, который, по выражению листовки “был размещен в засаде за кустарником”.

III. Заметим далее, что и на кроках и на французском плане ясно видно, что от Старой Смоленской дороги к д. Семеновской ведут только две проселочные дороги: от Утицы и от устья Семеновского оврага. Следовательно, отряд Тучкова должен был совершить диверсию лишь по одной из них. Полагаем неосновательным излюбленное отечественными авторами выражение о “простом фронтальном выдвигении” войск Тучкова. Признавая, что наступление *противника* на этом участке было затруднено лесистой и болотистой местностью, они, почему-то полагали, что *русские войска* легко смогут “полететь на крыльях победы” напрямик через лес. Высказанное Вишпером замечание о том, что “тогдашняя армия, привыкшая действовать в густых колоннах, были мало приспособлены к операциям на местности пересеченной и особенно лесистой. Движение по лесу разстраивало стройные колонны”, в равной мере применимо и к русским войскам. При этом большинство авторов, писавших об этом “фронтальном наступлении”, визуально имели в виду расположение отряда Тучкова на кроках, подписанных Кутузовым, возле Утицы (куда его передвинул Беннигсен), но в то же время говорят о расположении его за курганом (куда его поставил Кутузов). Пожалуй, только Богданов...

В принципе, Тучков мог наступать по обеим дорогам. Но, если бы он оставался стоять в устье Семеновского оврага, то между ним и егерским отрядом в лесу возле ручья Каменки оставалось бы неприкрытое пространство, в том числе и дорога Утица — Семеновское, по которой противник мог обойти позицию русской армии. Так что вполне понятна озабоченность полковника егерей, который, по словам Щербинина, “подошед к Беннигсену, с большим жаром объяснял ему, что... *пространство, разделяющее левый фланг от отряда, состоявшего из 3 корпуса и ополчения, столь велико, что неприятель в оное бросится массами и истребит бригаду*”. Кроме того, наступая вдоль оврага, Тучков никак не мог ударить в тыл французов.

IV. Конечно, выходя из-за кустарников, Тучков обнаруживал себя перед противником. Но много ли ему давала скрытность его прежнего расположения, и много ли он потерял, выйдя вперед? Пожалуй, главным недостатком новой позиции было то, что Утица находилась в низине. На кроках это не отражено, и потому Кутузов не знал характера местности, куда велел поставить свой “засадный полк”; *тем более, он не мог поставить его за курганом (как пишут историки), поскольку на кроках последний не изображен*. Отбросив казаков и заняв Утицу, Понятовский, скорее всего, двинулся бы напрямиком на д. Семеновскую, на звуки разгоревшегося там упорного боя. Но несомненно, что он не оставил бы без присмотра Смоленский тракт, и либо выслал по нему вперед, либо оставил на поляне перед Утицей кавалерию Себастьяни, совершенно непригодную для лесного боя. Следовательно, скрытно расположенные войска Тучкова вскоре были бы обнаружены неприятелем. Учтем, что к тому времени (9-й час), Багратион уже забрал дивизию Коновницына. Рискнул бы Тучков с “ополовиненным” корпусом броситься в контратаку на неприятеля? Даже если бы он отважился на это, то вряд ли это явилось бы абсолютной неожиданностью для поляков. Сумел бы он в те ранние часы со своей одной дивизией и бригадой егерей разбить три дивизии поляков? При самом радужном для русских прогнозе, поляки увязли бы в лесном бою и запросили помощи. И помощь пришла бы в виде все того же вестфальского корпуса, ибо других свободных войск под рукою у Нея не было. Итак, все вернулось на круги своя, или, коротко говоря, от перемещения отряда Тучкова из кустарников к Утице никаких принципиальных изменений в сражении произойти не могло, и уже по одному этому следует снять с Беннигсена обвинение за “самовольный” поступок, если он вообще имел место.

V. Но прежде ответим на возможные возражения — мы, мол, не учитываем силы Московского ополчения. Прежде всего, заметим, что после

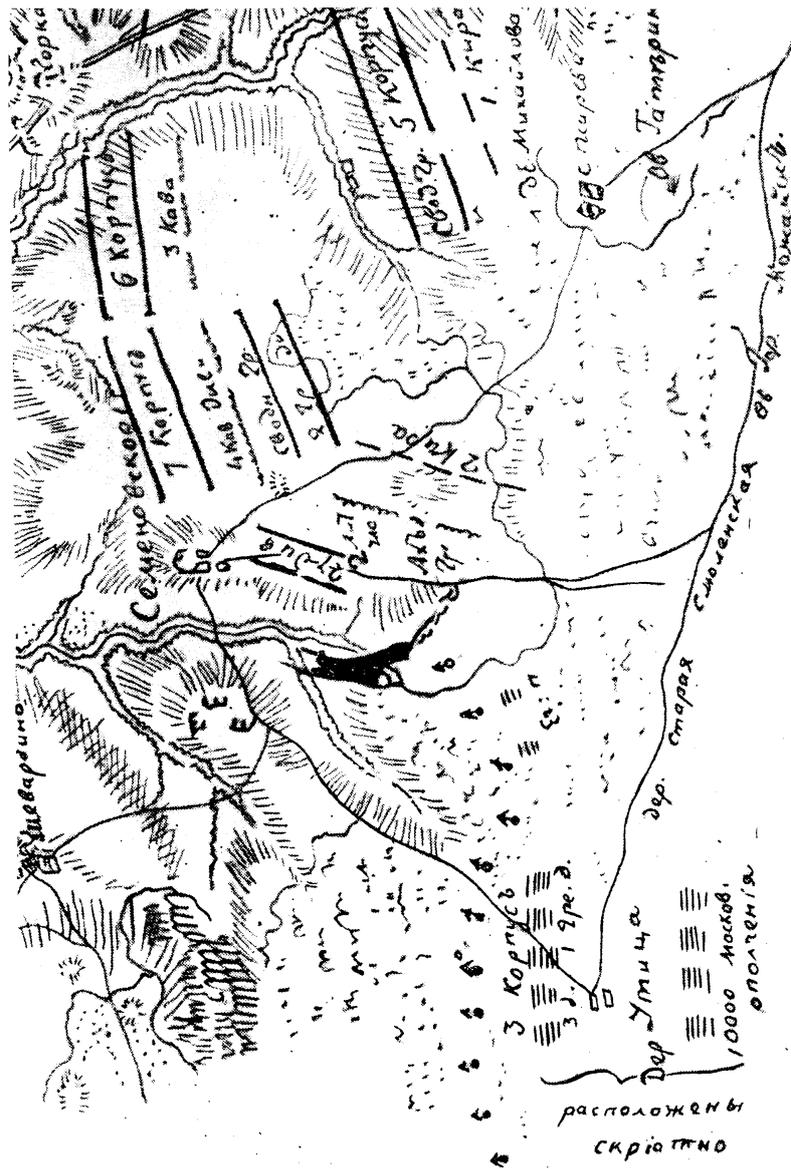
работ Бабкина в советской литературе наблюдалось не обоснованное источниками явное преувеличение численности, боеспособности и роли ополчения в генеральном сражении³¹. Разумеется, ратники-санитары сыграли большую роль в деле спасения тысяч раненых и высвободили тысячи солдат для строя, но эту вспомогательную работу нельзя отождествлять с участием в боевых столкновениях. Тучков и Багговут бросали ополченцев в бой лишь дважды — в самых крайних случаях. Наши историки любят цитировать “свидетельство” “французского офицера Вингурины” о том, как “вдруг высокий лес ожил и завыл бурею. Семь тысяч русских бород высыпало из засады. С страшным криком с самодельными пиками, с домашними топорами они кидаются на неприятеля, как в чашу леса, и рубят людей, как дрова”. На самом деле К. Х. Г. Вентурины был евангелическим теологом и историком религии, этаким “писателем–многостаночником”, сочинявшим свои опусы в тиши кабинета в Брауншвейге на основе газетных статей и официальных бюллетеней.

VI. Можно ли предположить, чтобы *и.о. начальника штаба, генерал от кавалерии* Беннигсен не знал замысла Главнокомандующего насчет отряда Тучкова, если об этом знали начальник штаба 2-й армии, составители листовки и даже *прапорщик* Щербинин? Мог ли он перед началом решающего генерального сражения *самовольно* изменить расположение группы Тучкова и *не сообщить об этом* Кутузову? Как он мог надеяться скрыть это “самоуправство”, если о нем могли доложить Кутузову и находившийся с ним Ожаровский и оставшийся недовольным таким перемещением Тучков, наконец, тот же Щербинин? Вопросы, на наш взгляд, риторические. Все прочие предложения Беннигсена — о перемещении войск 1-й армии влево, о строительстве укрепления на центральном кургане — обсуждались публично, и Кутузов о них знал. По свидетельству Баркляя, на представление Багратиона об опасности, грозящей со стороны старой дороги, “Кутузов и Беннигсен утверждали, что сия дорога могла легко быть защищаема нестроевыми войсками”, т. е. были в этом вопросе единодушны³². Щербинин, по его словам, позднее сообщил о “самоуправстве” Беннигсена Толю и Михайловскому–Данилевскому, но в их работах нет ни слова о засаде и о вине Беннигсена. Случайно ли это? Не логичнее ли допустить, что во всей этой истории Щербинин чего-то не понял или напутал?

VII. Участники сражения обвиняли в невыполнении кутузовского замысла Тучкова. У современников было даже готово объяснение поведения Тучкова — неприязнь к Багратиону. Щербинин пишет, что когда в главной квартире узнали, что Тучков просит помощи, на него “пало даже подозрение, что он не умел держаться. *Никто не знал*, что по место-

положению, вследствие *легкомыслия* Беннигсена ему указанному, это было физически невозможно”. До рассказа Щербинина, действительно, никто не возлагал вины на Беннигсена, и, строго говоря, только он и является единственным обвинителем последнего. Других свидетелей “самовольного поступка” Беннигсена мы не имеем.

VIII. Полагаем, что самым простым решением проблемы будет следующее. Вечером 24-го Фелькнер получил приказ подыскать скрытное место для отряда Тучкова, и нашел его в устье Семеновского оврага. 25-го Кутузов, познакомившись с кроками Траскина, на которых отмечены дороги, но плохо отражен характер местности, решает поставить этот отряд возле Утицы, чтобы перекрыть проселочную дорогу Утица — Семеновская, выводящую за флеша. Беннигсен, объезжая позицию, получил в тираде егерского полковника дополнительный аргумент в пользу этого решения и передвинул Тучкова туда, где тот должен был располагаться, согласно крокам. Тучков возмущается тем, что его выдвигают на открытое и неудобное место, а оказавшийся здесь прапорщик Щербинин воспринимает это пререкательство, как нарушение замысла Кутузова. Позднее, когда действительная вражда между фельдмаршалом и Беннигсеном завершилась высылкой последнего из армии, он с чистой душой переложил “вину” с русского Тучкова на немца Беннигсена. *На самом же деле, в неисполнении кутузовского замысла не виновен был ни тот, ни другой, а расчетливый противник, направивший на левый русский фланг столько войск, что думать о контрударе уже не приходилось, но только об отчаянной обороне.*

Примечания

- ¹ *Pelet*. 513; *Пеле*. Бородинское сражение // ЧОИДР. 1872. Кн. 1., с.62; *Колачковский*, с.,231–232. Противореча самому себе, он пишет, что инструкции, данные императором Понятовскому, состояли “в том, чтобы, *повернув весь наш корпус под углом назад, на Смоленскую дорогу*, выбить с позиции левое крыло неприятеля, расположенное за *Утицей на холме*, и попытаться зайти во фланг неприятелю”. С Доронинского кургана нельзя увидеть гору Сады. Из его слов можно заключить, что поляки должны были возвратиться до с. Ельни, чтобы вступить на Старую смоленскую дорогу.
- ² *Weysenhoff*. 146; *Вейссенгоф*. 221; *Séгур F.–P.* Histoire de Napoléon et de la Grande Armée pendant l'année 1812. Т. 1. Р., 1824, р. 380–381;
- ³ Бородино. Документы, письма, воспоминания. М.,1962, с.173,331.
- ⁴ Бородино. Документы..., с.112,135,138; *Бескровный Л.Г.* Отечественная война 1812 года. М., 1962, с.378.
- ⁵ Бородино. Документы..., с.393; *Бутурлин Д.П.* Кутузов в 1812 г. // Русская старина. 1894, № 10, с. 207. *Вюртембергский Е.* Воспоминания о кампании 1812 г. // Военный журнал. 1848, № 1, с. 52,73,83.
- ⁶ Явная ошибка Щербинина; речь должна идти о полковнике Ф. Г. Гогеле, егерский отряд которого располагался вдоль ручья Каменки.
- ⁷ Бородино. Документы..., с.395–397,393.
- ⁸ *Вюртембергский Е.*, Воспоминания..., с.73; *Бутурлин Д.П.* Кутузов в 1812 г., с.207.
- ⁹ *Вюртембергский Е.*, Воспоминания..., с.73; *Бутурлин Д.П.* Кутузов в 1812 г., с.207; Бородино. Документы..., с.339–340,397.
- ¹⁰ *Бутурлин Д.П.* История нашествия Наполеона на Россию в 1812 г. Ч.1. СПб.,1837, с.258–259. Из рапортов Строганова и Коновницына ясно видно, что в первой линии стояла 1-я гренадерская дивизия (Бородино. Документы..., с.151,165; *Неелов Н.Д.* Опыт описания Бородинского сражения. М., 1839, с. 30–31; *Михайловский–Данилевский А.И.* Описание отечественной войны 1812 г. Ч.2. СПб., 1839, с.223; *Он же.* Император Александр I и его сподвижники. Т.IV. СПб., 1847, Тучков, с.9.
- ¹¹ *Богданович М.И.* История Отечественной войны 1812 г. по достоверным источникам. Т.2. СПб., 1859, с.152,538; *Оболешев Бородинский бой...* М.,1903, с. 41, 43.
- ¹² *Витмер А.* Бородинский бой // Военно–исторический сб. 1912, № 3, с. 154–155.
- ¹³ *Витмер А.* Указ.соч., с. 205–206; *Бутурлин Д.П.* Кутузов в 1812 г., с.207; *Vaudoncourt F.–F.–G.* Mémoires pour á l'histoire de la guerre entre la France et la Russie, en 1812. L., 1815, р. 177–178;
- ¹⁴ *Геруа А.В.* Бородино. СПб., 1912, с.30–31; *Русский инвалид*. 1911, № 159, с.3.
- ¹⁵ *Геруа А.В.* Указ.соч., с. 32, 45–46.
- ¹⁶ *Колюбакин Б.* Бородинское сражение // Инженерный журнал. 1912, № 6–7, с. 934–935.
- ¹⁷ *Павленко Н.* Некоторые вопросы Бородинского сражения // Военно–исторический журнал. 1941, № 5, с.34–35.
- ¹⁸ *Соколов Б.* Стратегия и тактика Бородинского сражения // Исторический журнал. 1943, № 2, с.62,69; *Прунцов В.В.* Бородинское сражение. М., 1947, с.63.
- ¹⁹ *Гарнич Н.Ф.* Бородинское сражение // Полководец Кутузов.Сб. статей. М.,1955, с. 197–198, 202–203; *Он же.* 1812 год. –2–е изд. М., 1956, с. 147–148, 150–151.
- ²⁰ *Бескровный Л.Г.*, с. 377,381; *Он же.* Бородинское сражение. М., 1971, с. 35–37,47.
- ²¹ *Жилин П., Ярославцев А.* Бородинское сражение. М., 1952, с.39,46.
- ²² *Жилин П.А.* Гибель наполеоновской армии в России. М., 1974, с.151.
- ²³ *Богданов Л.П.* Боевой порядок русской армии в Бородинском сражении //1812. Сб.статей. М.,1962, с.110.

- ²⁴ Кочетков А.Н. О некоторых ошибках в освещении Бородинского сражения // Военно-исторический журнал. 1963, № 12, с. 41–42.
- ²⁵ Пчелов Е.В. Генерал от кавалерии Л. Л. Беннигсен // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы: Материалы науч. конф. Бородино, 1994, с.71.
- ²⁶ Жилин П.А., с.151; Богданов Л.П., с.111; Он же. На поле Бородинском. М., 1987, с.27–28; Бескровный Л.Г., с.382. Прим. 1; Бородино. Документы..., с.397.
- ²⁷ Soltyk R. Napoleon im Jahr 1812. Augsburg, 1857, S.215; Геруа А.В., с.38.
- ²⁸ Venturini C. Russlands und Deutschlands Befreiungskriege...Т.1–4. Leipzig, 1816–1819; *Saperefigure*. L'Europe pendant le Consulat et l'Empire de Napoléon. Т.IX. P., 1840. Только С.Серков указал, что “Вентурини Карл — французский историк, автор четырехтомного сочинения”, да и то допустил ошибку (Глинка Ф. Письма русского офицера. М., 1987, с.309. Прим.1.)
- ²⁹ Бородино. 1812. М., 1987, с.200–215.
- ³⁰ Бородино. Документы..., с.393–394.
- ³¹ Вот характерный пассаж: “ Следует отметить, что до подхода корпуса Багговута... III корпус, отражая многочисленные атаки неприятеля, опирался исключительно на полки Московского ополчения, численность которого более чем в 2 раза превышала численность регулярных частей. Большую роль сыграли *ополченческие полки*..., когда войска Понятовского овладели Утицким курганом. *Только совместными усилиями войск Тучкова и ополчения удалось сдержать натиск противника и перейти затем в контратаку*” (Бабкин В.И. Народное ополчение в отечественной войне 1812 г. М., 1962, с. 129). Здесь что ни фраза, то преувеличение. Не очень-то полагался Тучков на ополченцев, если сразу после ухода 3-й дивизии запросил у Кутузова помощи. Отнюдь не все полки, названные Бабкиным, находились в составе отряда Маркова; из них 10–12 батальонов имели ружья, 6 батальонов — пики. Вместо “многочисленных” атак следует говорить лишь о двух: на деревню и на курган. В контратаку на последний Тучков пошел лишь тогда, когда подошла бригада 17-й дивизии, да еще бросил в атаку один (6-й) полк ополчения. В другой раз Багговут послал в дело 500 ратников. Никаких других доказательств участия ополченцев в *боевых столкновениях* в Утицком лесу у нас нет!
- ³² Бородино. Документы..., с.331.